

Воспоминания гомельского протоиерея Петра Рылло (1884–1937) Часть 2

Вторая часть воспоминаний протоиерея Петра Рылло связана с событиями Первой мировой войны в 1915–1917 гг. и состоянием церковной жизни на территории Гомельского уезда Могилевской губернии (затем Гомельской губернии, Гомельского округа БССР) в 1920–1930-е гг. Для церковно-исторической науки наибольший интерес публикуемая часть мемуаров представляет в связи с описанием событий периода зарождения и развития обновленческого раскола. Исторический драматизм усугубляется драмой личной жизни протоиерея Петра Рылло, вызванной непростыми семейными отношениями.

Ключевые слова: воспоминания, Гомель, Гомельская епархия, «Живая Церковь», мемуары, НКВД, обновленчество, ОГПУ, Первая мировая война, политические репрессии 1920–1930-х гг., православие, Российская императорская армия, Русская Православная Церковь, «Союз общин Древлеапостольской Церкви», Холмская епархия.

В 2016 г. Гомельской епархии Белорусской Православной Церкви была передана рукопись воспоминаний протоиерея Петра Кузьмича Рылло (1884–1937), бывшего настоятеля Свято-Николаевского храма г. Гомеля. Текст воспоминаний содержит описание событий периода Первой мировой войны и гомельской церковной жизни 1920–1930-х гг., непосредственным очевидцем которых являлся протоиерей Петр. Означенное обстоятельство позволяет оценивать его воспоминания как важный исторический источник, введение которого в научный оборот будет способствовать обогащению

нию представлений о событиях церковного прошлого первой пол. XX ст. В предыдущем номере церковно-исторического альманаха «ΧΡΟΝΟΣ» была опубликована первая часть воспоминаний, хронологически охватывавшая детство, юность, начало семейной жизни, приходское служение в Холмской епархии и пребывание протоиерея Петра Рылло на должности полкового священника Российской императорской армии в первое полугодие Первой мировой войны. Ниже публикуется вторая часть воспоминаний, связанная с военными событиями 1915–1917 гг. и гомельским периодом биографии автора. Для церковно-исторической науки наибольший интерес публикуемая часть мемуаров представляет в связи с описанием событий периода зарождения и развития обновленческого раскола в пределах Гомельского уезда.

Обновленческое церковное движение 1920-х гг., инспирированное ВЧК-ОГПУ с целью подрыва Русской Православной Церкви (РПЦ) изнутри и дискредитации ее архиереев в глазах верующих, во многом было подготовлено радикально настроенным духовенством. Об идейном фундаменте обновленцев, состоящем в большинстве своем из белого духовенства, красноречиво свидетельствует дело гомельского священника, популярного проповедника, общественного деятеля, историка протоиерея Федора Жудро. Чтобы убедить гомельских чекистов в своей лояльности к советской власти и непричастности к стрекопытовцам, поднявшим в марте 1919 г. в Гомеле антибольшевистский мятеж, в заявлении на имя товарища комиссара юстиции священник Федор Жудро отмечал: «Ни по складу своих убеждений, ни по своим действиям я не принадлежал и не принадлежу к противникам революции. Знакомый с социалистической литературой еще со школьной скамьи, я ясно видел, что непреложные законы человеческого развития ведут к крушению капиталистического строя и утверждению социализма. <...> В течение двадцати лет службы в гимназии я всегда был в оппозиции господствующему течению»¹. Об умонастроении убежденных обновленцев 1920-х гг. могут свидетельствовать некоторые положения

¹ Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Фонд.100. – Оп. 1. – Д. 598. Дело по обвинению Жудро Ф.В. в участии в Стрекопытовском мятеже. 7 октября 1919 – 25 октября 1919. – Л. 6.

проповеди «левого» священника Федора Жудро: «Вспомним, как Христос относился к неравномерному распределению благ земных. "Горе вам, богатые, горе вам, пресыщенные". <...> Братие, нынешняя власть наша борется всеми силами с неравномерным распределением земных благ, так называемым капиталистическим строем, за коммунизм, за уничтожение собственности и обобщение имений. <...> Не верьте же тем людям, которые говорят, что коммунизм – учение противохристианское»².

При оценке обновленчества следует учитывать, что в его рядах были и рядовые священники, далекие от политики, и карьеристы, и идейные модернисты. О том, какие задачи ставились перед обновленцами советскими спецслужбами, говорят факты. Как только в мае 1922 г. была учреждена группа «Живая Церковь», сразу началась подготовка к организации показательного суда над патриархом Тихоном (Белавиным). 29 апреля 1923 г. II обновленческий «Поместный Собор» в храме Христа Спасителя в Москве объявил об извержении патриарха Тихона из сана и лишении его монашества. Партийное руководство подчеркивало: «Мы осудили Тихона не как патриарха, не как священника, а как политического преступника, контрреволюционера, как врага рабоче-крестьянской власти. Решение собора должно показать, что все обвинения по нашему адресу в том, что мы притесняем религию, преследуем духовенство есть сплошная клевета». В то же время партийные циркуляры в отношении обновленчества отмечали, что покровительствовать «новой церкви» власть не собирается, несмотря на то, что она перестала быть контрреволюционной и осудила патриарха, назвав себя «Живой Церковью», однако «все равно является носителем религиозного дурмана»³. Последующие репрессивные меры, предпринятые органами ОГПУ-НКВД как против сторонников Патриаршей Церкви, так и против раскольников, свидетельствуют о том, что большевистское руководство вообще не собиралось идейно сотрудничать с какой-либо Церковью.

² Там же. Л. 5.

³ Государственный архив общественных организаций Гомельской области (ГАООГО). Фонд 2.– Оп. 1. – Д. 338. Циркуляры ЦК, губкома об антирелигиозной пропаганде. 1923. – Л. 55.

Связь лидеров обновленчества с советскими спецслужбами служит еще одним доказательством провокационного характера обновленческих «реформ». Многие обновленческие приходы существовали только потому, что священники-обновленцы получали регистрацию, а тихоновцы – нет. В 1928 г. с санкции ГПУ в распоряжение обновленцев Гомеля был отдан кафедральный Петро-Павловский собор⁴. Поездка по Белоруссии идеолога обновленчества и главы «Союза общин Древлеапостольской Церкви» епископа Крутицкого Александра Введенского контролировалась лично Е. А. Тучковым, начальником VI отдела ОГПУ, в компетенции которого находилась агентурно-оперативная работа с церковниками⁵. Однако афиширование контактов со спецслужбами было нежелательно, поэтому белорусское руководство ГПУ обратилось в VI отдел с просьбой убрать уполномоченного группы «Живая Церковь» в Гомельском уезде протоиерея Сергия Канарского с занимаемой должности, поскольку «Канарский почти не прячет своей связи с органами ОГПУ и на работе применяет методы совсем недопустимые и компрометирующие органы ОГПУ»⁶.

Ситуация для православного духовенства осложнялась еще тем, что обновленческий Синод был частично признан некоторыми Поместными Церквями, в частности Константинопольским патриархом. Не следует забывать, что большинство белого духовенства были аполитичны, и многие, не разобравшись в хитросплетениях антицерковной политики большевиков, считая обновленческий Синод единственной легальной церковной властью, переходили в обновленчество, не разделяя его идеологию. Путаницу в систему церковного управления добавляло то обстоятельство, что до революции Гомельское викариатство, образованное в 1907 г., входило в состав Могилевской епархии. В 1919 г. была образована Гомельская губерния, пребывавшая в составе РСФСР до 1926 г. Таким образом, границы административные и церковные не совпадали.

⁴ Шиленок, Дмитрий, священник. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939): («Обновленческий» раскол в Белоруссии) / священник Дмитрий Шиленок. – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2006. – С. 96–97.

⁵ Навіцкі, УІ. Палітыка расколу рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-я гг.). // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 2. – С. 48.

⁶ Там жа. С. 18.

О драматизме этого периода истории РПЦ можно судить по тому, как проходил процесс восстановления Патриаршей Церкви и как неоднозначны были оценки деятельности архиереев и духовенства. Так, например, выдающийся архипастырь РПЦ епископ Мстиславский Варлаам (Ряшенцев), vicарий Могилевской епархии, 27 июля 1922 г. принял участие в первом собрании обновленцев в Могилеве. После освобождения патриарха Тихона епископ Варлаам принес покаяние. На время уклонялся в обновленчество другой популярный в народе Мозырский епископ Иоанн (Пашин). Оба епископа впоследствии многое сделали для сохранения единства Русской Церкви под патриаршим омофором.

Непросто было разобраться в сложившейся ситуации даже духовно опытным пастырям. Гомельский протоиерей Павел Гинтовт примкнул к «Живой Церкви», позже к группе «Союз общин Древлеапостольской Церкви» и стал одним из руководителей обновленческого движения на Гомельщине в 1922–1924 гг. Но разобравшись в сути обновленчества, энергично боролся с последствиями раскола. Когда в 1928 г. обновленческий епископ Гомельский Досифей (Степанов) попытался его склонить к повторному уклонению в раскол, протоиерей Павел наотрез отказался. Активность протоиерея Павла Гинтовта в борьбе с обновленчеством стала поводом для его ареста и расстрела в 1933 г. Обновленческий епископ Досифей (Степанов) вернулся в лоно Патриаршей Церкви в том же 1933 г., чему во многом содействовал епископ Могилевский Феодосий (Вашинский).

Трудно игнорировать роль личности в истории борьбы с обновленческим расколом. Так, например, назначение уполномоченным группой «Живая Церковь» по Гомельскому уезду бывшего иподиакона Гомельского кафедрального собора протоиерей Сергия Канарского, человека малоавторитетного, не пользовавшегося уважением со стороны большинства гомельского духовенства, привело к образованию гомельскими клириками самостоятельного епархиального управления, не подчинявшегося правящим обновленческим архиереям Могилевской епархии. Инициатива о воссоединении с Патриаршей Церковью исходила от влиятельных и уважаемых священников Гомеля Александра Зыкова, Павла Гинтовта, Владимира Зубарева, Стефана Романкевича, Павла Керножицкого, Владимира Бутомо.

Немаловажную роль в процессе восстановления церковного единства сыграла позиция мирян. Многие священники перешли к «тихоновцам» под давлением своих приходов, особенно, когда встал вопрос о переходе на григорианский календарь. В протоколе совещания отдела агитации и пропаганды (АПО) Гомельского губкома от 23 января 1926 г. отмечалось, что с 1922 г. в губернии побывало около 7 епископов (обновленцев) «и все они своим поведением (пьянство и т.д.) окончательно себя скомпрометировали в глазах верующих и были прогнаны»⁷. Конфликты с весьма одиозными личностями из среды обновленцев, как, например, епископ Симеон Канарский, архиепископ Алексей Дьяконов, епископ Варлаам (Покровский), священник Николай Дудкин, не добавляли обновленцам популярности в народе. В губернских отчетах ГПУ и АПО констатируется, не без озабоченности, что обновленческие группы быстро распадаются: «Объясняется это тем, что служители религиозного культа шли в обновленчество целыми пачками в надежде получить покровительство власти, но, «убедившись, что никакой выгоды не получали, быстро исчезали»⁸. На запрос духовенства Стародубского уезда, находившегося на распутье и не определившегося в отношении обновленчества, протоиерей Петр Рылло летом 1924 г. сообщал, что все гомельские священники отказались подчиняться обновленческому Синоду и присоединяются к Патриаршей Церкви⁹. Из дела о закрытии военной Георгиевской церкви в Гомеле известно, что в 1923 г. протоиерей Петр Рылло был уполномоченным ВЦУ (обновленческое Высшее Церковное Управление) по Гомельской епархии¹⁰. В середине 1920-х гг. гомельский обновленческий уполномоченный в донесении отмечал: «Обновленческое духовенство должно выдавать себя староцерковниками, чтобы не встретить оппозиции со стороны прихожан и не быть уволенны-

⁷ ГАООГО. Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 818. Переписка укома ВКП(б) с партийными и советскими органами. 1925–1926 – Л. 74.

⁸ Там же.

⁹ ГАООГО. Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 2431. Информационные сводки ОГПУ. 1924. – Л. 173.

¹⁰ ГАГО. Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 30. Переписка с губисполкомом, уисполкомами и отделениями милиции о закрытии молитвенных домов. 1923–1925. – Л. 42.

ми из приходов»¹¹. В 1928 г. в Гомельской епархии осталось два обновленческих прихода и пять – без священников. Для сравнения, в Могилевской епархии насчитывалось 57 обновленческих приходов, шесть из которых были без священников¹².

Нередко личные отношения осложняли процесс восстановления церковного единства. Борьба за возвращение гомельских приходов в Патриаршую Церковь часто сопровождалась борьбой честолюбий и желанием вытеснить пришлых священников. Любопытно замечание протоиерея Петра Рылло о том, что его не поставили в известность о решении гомельских священников обратиться к патриарху Тихону с просьбой о принятии их в церковное общение. Себя протоиерей Петр идейным сторонником «Живой Церкви» не считал. Вот как он описывает события 1924 года: «Гомельское духовенство, убедившись, с одной стороны в том, что обновленчество пошло по сектантскому пути, с другой, будучи побуждаемо верующими, решило оставить обновленчество и воссоединиться с Патриархом Тихоном. Кто был инициатором воссоединения – не знаю. Может быть о[тец] А[лександр] Зыков, который был идеологом обновленчества на Гомельщине и вообще Могилевщине, может и кто другой, но факт, что сдвиг был сделан. Среди духовенства разговоры о воссоединении были, но от меня это держалось в тайне. Некоторые из моих прихожан не раз приходили ко мне на дом <...>, уговаривали меня оставить обновленчество, отправиться к Патриарху Тихону и воссоединиться, на что предлагали и деньги, но я всегда говорил, что не я вводил обновленчество, не я первым буду и воссоединяться. Пусть другие сделают это, а за мной остановки не будет. Избран и делегат от духовенства – Стефан Романкевич, который и уехал в Москву <...>. Только через некоторое время я узнаю от своих прихожан, что воссоединение Гомельских приходов во главе со своим духовенством уже свершившийся факт и что прот[оиерей] С[тефан] Романкевич назначен уполномоченным по воссоединению. <...> Поведение духовенства, ни словом не обмолвившегося со мною, меня возмутило. Через 2 недели, приблизительно, или немного более после

¹¹ Шиленок, Дмитрий, священник. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939). С. 93.

¹² Там же. С. 38.

воссоединения Гомельских пастырей, подаю Р[оманкевичу] и свое заявление о принятии меня и моего прихода в молитвенно-каноническое общение. Романкевич находит, что для меня недостаточно одного заявления, ему хочется моего унижения (т. е. публичного покаяния – *Прим. И.Г.*)»¹³.

Итогом работы Поместного Собора 1917–1918 гг. стало не просто восстановление патриаршества, но закрепление канонических основ Православной Российской Церкви, опираясь на которые можно было уже в условиях гонения со стороны большевистского руководства противостоять разложению и уничтожению Православной Церкви в СССР. После освобождения патриарха Тихона из-под ареста (июль 1923 г.) отпавшие в обновленчество иерархи и духовенство стали массово возвращаться под патриарший омофор. Патриарх Тихон, позже его местоблюстители посылали архиереев, сохранивших верность Московскому Патриархату, в епархии для восстановления нормальной церковной жизни. Среди ревностных борцов с обновленческим расколом особо выделяются Могилевские епископы Никон (Дегтяренко), Феодосий (Ващинский), Иоасаф (Жевахов), архиепископ Павлин (Крошечкин).

В апреле 1925 г. в Гомель прибыл новый епископ Тихон (Шарапов), посланный патриархом Тихоном для борьбы с обновленчеством. Вскоре в Москву от гомельских органов власти в ОГПУ поступило следующее секретное донесение: «Епископ Тихон своими действиями окончательно ликвидирует оставшиеся еще в Гомельской губернии обновленческие приходы, каковых еще имеется до 25 по губернии. Так как в каждом обновленческом приходе есть некоторая часть мирян, стоящих за тихоновщину и стоит епископу Тихону появиться – через часа 2–3, он уже повел за собой остальных мирян, которые заставляют попа повиноваться епископу Тихону, в противном случае отлучают от церкви. В случае замедления ответа будем принуждены прибегнуть к аресту его»¹⁴. Епископ Тихон,

¹³ Архив Гомельской епархии. – Дневник протоиерея Петра Рылло (рукопись 1932 г.). – Л. 72–73.

¹⁴ Косик, О.В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов) / О.В. Косик. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – С. 59.

пройдя могилевскую и минскую тюрьмы, 21 мая 1925 г. был доставлен в Москву. В сентябре 1925 г. владыка получил разрешение на проживание в Москве без права выезда. В протоколе совещания АПО Гомельского губкома по вопросам антирелигиозной пропаганды от 23 января 1926 г. отмечалось, что своей антиобновленческой деятельностью епископ Тихон восстановил против себя часть духовенства, но укрепил свой авторитет в глазах верующих¹⁵.

Не всегда сторонники Патриаршей Церкви в своем рвении могли сдерживать эмоции. Протоиерей Петр Рылло неоднозначно оценивал действия епископа Тихона (Шарапова), называя его «жестоким монахом»¹⁶. Будучи настоятелем Полесской Николаевской церкви г. Гомеля, он еще осенью 1924 г. направил телеграмму Святейшему Патриарху с просьбой о принятии прихода в молитвенно-каноническое общение, на что последовала положительная резолюция. Таким образом, протоиерей Петр Рылло в своем возвращении под патриарший омофор обошел посредничество авторитетных гомельских священников, инициировавших этот процесс. Благочинный протоиерей Павел Керножицкий информировал прибывшего епископа Тихона (Шарапова) о положении церковных дел в Гомеле и окрестностях, и, очевидно, несколько тенденциозно осветил деятельность протоиерея Петра. Здесь следует отметить, что у протоиерея Петра Рылло несчастливо сложилась семейная жизнь. Его супруга неоднократно писала на своего мужа-священника доносы, в том числе и на имя епископа Тихона (Шарапова). Не разобравшись в сути конфликта супругов, архиерей только на основании личного предубеждения запретил в служении протоиерея Петра. Честь священника была восстановлена благодаря заступничеству прихожан Полесской церкви. Решением правящего архиерея священнослужитель обязывался после исповеди у протоиерея Павла Левашева, ранее отказавшегося от присоединения к обновленцам, на второй день Пасхи 1925 г. принести публичное покаяние в грехе раскола¹⁷. Когда в нач. 1929 г.

¹⁵ ГАООГО. Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 818. Переписка укомов ВКП(б) с партийными и советскими органами. 1925–1926. – Л. 75.

¹⁶ Архив Гомельской епархии. – Дневник протоиерея Петра Рылло (рукопись 1932 г.). – Л. 76.

¹⁷ Там же. Л. 74–76.

над Полесской церковью нависла угроза закрытия, группа верующих посетила обновленческого епископа Гомельского Досифея (Степанова), изъявив желание войти в его ведение ради сохранения прихода. В свою очередь, последний ходатайствовал перед гомельскими властями о приостановке процесса закрытия церкви. Какую позицию занял тогда настоятель церкви Петр Рылло – не ясно. На документе красным карандашом стоит резолюция «Отказать», а на обороте тем же карандашом фамилия настоятеля «Рылло»¹⁸. Процесс закрытия Полесской церкви сопровождался строительной осадой церковной территории. При сооружении здания для Западных железных дорог в июле 1929 г. затронули церковный двор. Были уничтожены плодовые деревья, поломана ограда, строительные материалы складировались вокруг церкви¹⁹. На поступавшие жалобы власти не реагировали, поскольку участь храма была уже решена. После закрытия Полесской церкви протоиерей Петр Рылло служил в Спасо-Преображенской церкви г. Гомеля до своего ареста в августе 1937 г. Постановлением Особой Тройки НКВД БССР от 30 октября 1937 г. он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в ночь на 1 ноября того же года²⁰.

В процессе своего развития обновленчество деградировало как движение за реформирования церковной жизни и оказалось ненужным для породившей его советской власти. В кон. 1930-х гг. начался последний этап реализации антирелигиозной политики, целью которого виделось окончательное уничтожение религиозной жизни в пределах СССР. Основным методом осуществления поставленной задачи стало физическое уничтожение священнослужителей и наиболее активных мирян. Нередко, как это случилось в Гомеле в ночь на 1 ноября 1937 г., в одной расстрельной яме оказывались борцы с обновленческим расколом и идейные обновленцы, ревностные сторонники «правой» церковной оппозиции и отрекшиеся от сана бывшие священнослужители. Произошедшее в 1943 г. радикальное

¹⁸ ГАГО. Фонд 161. – Оп. 1. – Д. 176. Материалы о регистрации религиозных обществ по Гомельскому округу. 1928–1929. – Л. 3–3 об.

¹⁹ Там же. Л. 83.

²⁰ Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953): биографический справочник / авт.-сост. А.В. Слесарев. – Жировичи: Издательство Минской духовной академии, 2017. – С. 104–105.

изменение курса советской религиозной политики, обусловленное исключительно прагматичными соображениями советского руководства, привело к восстановлению единства Русской Православной Церкви, упразднению существовавших расколов и контролируемому властями процессу ограниченного церковного возрождения.

Публикуемая ниже вторая часть воспоминаний гомельского протоиерея Петра Рылло является ценным свидетельством современника о состоянии церковной жизни и развитии обновленческого движения на Гомельщине в 1920–1930-е гг. При подготовке текста к публикации возникла моральная дилемма, связанная с сомнениями относительно допустимости оглашения неурядиц семейной жизни православного священнослужителя. После длительных рассуждений авторы публикации и редакция альманаха приняли решение публиковать текст воспоминаний без купюр, что позволит читателю сформировать целостное представление о личности одного из наиболее авторитетных гомельских священников довоенного периода.

Воспоминания записаны в инвентарной книге фабричного производства. Общий объем текста составляет 117 страниц. В настоящую публикацию вошел текст, отраженный на страницах 40–85 в рамках авторских разделов VII–XVI.

При подготовке текста к изданию старая орфография была заменена на современную, а особенности авторской стилистики и внешнего оформления текстов были сохранены неизменными. Корректировке были подвергнуты также те фрагменты текстовых документов, которые содержали явные орфографические погрешности и опечатки.

*Вступительная статья И.А. Грищенко,
публикация и примечания
протоиерея Александра Лопушанского*

VII

Не буду особенно задерживаться на своих впечатлениях конца 14 года. Скажу кратко. Наши войска идут вперед по направлению к Кракову. На Сане во многих местах, в том числе и в Кржешове, выстроены солидные мосты для беспрепятственного провоза на фронт припасов, фуража и снарядов. Мосты охраняются казаками. Есть попытки Австрияков взорвать мосты, но все обходится благополучно. В Кржешове слышна дальняя артиллерийская канонада, доносящаяся из под Перемышля. Организуется деятельная помощь населению, пострадавшему от нашествия неприятеля, в которой я принимаю деятельное участие. Но эта работа не удовлетворяет меня. Мне хочется работать на фронте, куда я и стремлюсь, но меня удерживает на месте Еп[ископ] Анастасий. Наконец, видя мое сильное желание побывать на фронте, Епископ, с согласия Командующаго фронтом Г[енерала] Иванова¹, дает мне командировку в Галицию побывать на местах боев и совершить отпевание на могилах павших воинов, над которыми оно не было своевременно совершено. В начале 15 года уезжаю в командировку. Проезжаю Рудник, Низко, Развадов, Дембицу и доезжаю до Тарнова, где в это время находился штаб XXI корпуса. Все эти места и особенно Дембица – носят следы страшных разрушений. Совершаю свое путешествие и на лошадях, и в автомобиле, и по железной дороге. Выполняю добросовестно данное поручение. Не доезжая верст 5 до Тарнова, поезд останавливается. Тарнов обстреливается 42-х сант[иметровыми] немецкими орудиями и туда можно попасть или на лошадях, или пешком. Я иду пешком по пути и добираюсь до штаба корпуса, расположенного в имении княгини Сангушко². Являюсь к коменданту корпуса, предъявляю свой документ и меня усаживают в помещении пом[ощника] Коменданта, а на другой день дают экипаж на паре лошадей и отвозят в штаб 33 дивизии, части которой расположены фронтом на реке Бяле³. Отсюда верхом по горам, доби-

¹ Николай Иудович Иванов – русский генерал от артиллерии. Во время Первой мировой войны с 19 июля 1914 г. по 17 марта 1916 г. командовал армиями Юго-Западного фронта.

² Сангушко (польск. Sanguszko) – волынская княжеская фамилия из рода Гедиминовичей.

³ Бяла (польск. Biała) – река в южной части Польши, правый приток Вислы.

раюсь до штаба 132 Бендерского полка, с которым выдержал почти месячную осаду Кржешова и где меня встречают как родного. Прожил здесь около недели. Ежедневно обхожу и объезжаю места боев и исполняю свои обязанности. Интересуюсь жизнью армии и бываю в окопах. Мне предоставляют верховую лошадь и провожатого, с которым я доезжаю до м[естечка] Тухова⁴ в Карпатах. Наконец еду обратно на подводе, предоставленной мне штабом полка, до Тарнова, где останавливаюсь на некоторое время и осматриваю его. Тарнов – небольшой Австрийский городок, не представляющий из себя ничего особенного, городок торговый и довольно чистенький. Улицы – узкие, дома и магазины – приличные. Расположен – в гористой местности. Особенное внимание привлекает костел, вблизи вокзала, громадное, красивое здание в готическом стиле и вокзал. Имение княгини Сангушко также не представляет из себя ничего особенного. Главная здание – 2-х или 3-х этажное казарменного типа, старинное, с колоннадой при входе. Внутри – богатство. Масса инкрустированных столов, ларцов, шкафов и в них – серебряная, дорогая, фамильная посуда. Владелица имения так быстро бежала при наступлении Русских, что не успела и захватить с собою свои ценности. Да и вообще здесь никто же не думал о том, что русские докатятся до сюда.

VIII

Начало 15 года проходит спокойно. В марте месяце приезжает ко мне семья из Могилевской губ[ернии]. Я встречаю ее в Холме, а оттуда едем до Белгорая по узкоколейке, построенной военными. Проходит пост, а там и Пасху празднуем. В конце Апреля начинается какое-то особенное оживление. Происходит передвижение войск, обозов. У меня, по обыкновению, останавливаются различные штабы. Разговоры – самые успокоительные. Но вот, в конце Апреля, является штаб Переяславльского полка⁵ и буквально гонит нас из квартиры, объявляя, что сейчас начнется бой. Я протестую, говорю, что выехать мне не на чем, так как нет у меня лошадей. Коман-

⁴ Тухув (польск. Tuchów) – город в Польше, входит в Малопольское воеводство, Тарнувский повят.

⁵ 15-й драгунский Переяславский Императора Александра III полк.

дир полка предоставляет в мое распоряжение две пары полковых лошадей. Грузим на подводы, что попадается под руку, усаживаю семью и провожу ее за Горный Кржешов. Семья уезжает в Белгорай, а я, простившись с ней, возвращаюсь в свою квартиру. В это время между Русскими и Австрияками начинается артиллерийский бой. День склонился к вечеру и все утихает. Я провел тревожную ночь в своей квартире. На другой день бой начался с утра с новой энергией и так длилось числа до 5–6 Июня, когда наши части, под напором Австрийцев, принуждены были покинуть Кржешов и начать свое отступление к Бресту и дальше. Я во время этих боев находился то в своей квартире, то за церковью, то в посаде, то объезжал верхом свой приход и спасал жителей от грабежей и насилий наших солдат, а в воскресные и праздничные дни собирал своих прихожан в лесу «Туровом боре», где совершал для них утреню и Литургию на св[ятю]м Антиминсе, взятом из храма. Во время моего сидения в доме – мне пришлось не мало испытать: снарядом был снесен угол дома, в другой раз осколками снарядов был разбит рояль в гостиной, осколками снарядов были уничтожены все стекла в доме. 9 Мая, на Николая, была разбита вдребезги прекрасная каменная церковь. Я в это время объезжал приход и издали наблюдал, как рушилось прекрасное каменное здание. (Накануне мне удалось вынести из церкви Св[ятые] Дары, Св[ятой] Антиминс, священные сосуды и дар государя икону складень Владимирской Богоматери). Вот как описывает корреспондент гибель Кржешовского храма в газете «Биржевые ведомости» от 8 Июня 1915 года (за № 14891).

«Донесение архиепископа Анастасия о разрушении немцами храмов. Архиепископ Холмский Анастасий донес Св[ятейшему] Синоду о планомерном разрушении неприятельскими войсками в минувшем мае месяце самого великолепного храма Холмской Епархии в пос[елке] Кржешове на Сане. Храм этот основан был только три года назад и в нем находится дар Государя Императора – копия чудотворной иконы Владимирской Божией Матери.

Кржешовский храм подвергался неприятельскому обстрелу еще при прошлогоднем вражьем нашествии, но тогда он устоял. В мае месяце враги снова подошли к Кржешову. По донесению Арх[иепископа] Анастасия враги открыли усиленную бомбарди-

ровку посада, который и был сожжен. Снаряды, преимущественно тяжелого калибра, 6-ти и 8-дюймовые, рвались во множестве вокруг храма и громили его. В храм было выпущено в течение дня до 80 снарядов. Одним из первых выстрелов (как доносит Арх[иепископ] Анастасий) был сбит крест с колокольни, затем постепенно был снесен ее верхний ярус и каждый из пяти куполов. К концу дня были подбиты стены и колонны, поддерживающие своды, и вся средняя часть рухнула, превратившись в груды развалин. (Замечательно, говорит Арх[иепископ] Анастасий, – что алтарная абсида, соединенная с храмом аркой, в которой был утверждён иконостас, осталась почти нетронутой разрушением. Она стоит до настоящего времени, как отрезанная таинственной рукою, от остальных частей храма, с неповрежденным престолом, жертвенником и запрестольной иконой Божией Матери. Святой Антиминс, Св[яты]е Дары и наиболее ценная церковная утварь, – дар Императора – Владимирская икона Божией Матери, были заранее вынесены настоятелем храма, ризница же и ценные колокола погребены под развалинами. Приступить к раскопкам, – доносит Арх[иепископ] Анастасий, до последнего времени не было возможности. На днях Арх[иепископ] Анастасий снова посетил пос[елок] Кржешов и вместе с Настоятелем о[тцом] Петром Рылло поднялись на высоту берегового холма чтобы осмотреть разрушенный храм, но неприятель, заметив эту группу с другого берега Сана открыл по ней убийственный огонь, к счастью, не причинивший наблюдавшим вреда».

С удовольствием я вспоминаю Арх[иепископа] Анастасия, который не раз в это тяжелое для меня и моих прихожан время посещал меня и моих прихожан, ободрял нас и принимал участие в Богослужениях, совершаемых мною под сенью сосен в Туровом боре.

Вслед за храмом Австрийцы разделались и с самим посадом. В один прекрасный день я с одним из врачей Переяславльского полка отправился в посад с фотографическим аппаратом для того, чтобы сделать несколько фотографических снимков с окопов и вообще Кржешова. Побывали в окопах, идем к зданию Гминного управления. Все тихо. Не успели мы дойти до него, как раздался орудийный выстрел с Австрийской стороны, снаряд угодил в Гминное управление и зажег его. Мы бросились туда, туда же направилось и много

солдат, выскочивших из окопов. Под нашим руководством были вынесены оставшиеся в помещении вещи и несгораемый сундук. Но в это время поднялся адский огонь Австрийских батарей, обстреливавших сначала гору, а потом огонь их был перенесен на самый посад. Была суббота. Население посада, исключительно еврейское, наполовину оставалось на местах в надежде, с одной стороны, что неприятель не станет стрелять по мирным жителям, а с другой – не имея возможности вывезти свое имущество и боясь, чтобы оно не подверглось разграблению. Жители, как я уже указывал, в это время спасались в погребах, а некоторые спокойно лежали в кроватях. Когда огонь Австрийских батарей был перенесен на посад и он зажжен был со всех сторон – жители обезумели. Они начали выхватывать из огня свои жалкие пожитки и сносить их на площадь, но и здесь не было спасения, площадь также обстреливалась и несчастные жители бежали куда глаза глядят, лишь бы вырваться из этого ада. Я видел женщин, выскакивавших из огня в одном белье, на моих глазах было несколько случаев сумасшествия. Раненые падали на площади и молили о пощаде. Огненная стихия овладела Кржешовом. Мне с вышеупомянутым доктором удалось сделать несколько фотографических снимков и зафиксировать последние минуты несчастного посада. А в это время, когда, казалось, никто не мог бы оставаться пассивным зрителем совершавшихся ужасных событий, солдаты выскочили из окопов, и вместо того, чтобы помочь населению принялись за отвратительный, позорный грабеж. Мы не могли спокойно смотреть на происходящее. Подбегаем к группе солдат, занимающихся своим ужасным делом, умоляем их не грабить, а спасти имущество и сносить его в к[акое] л[ибо] безопасное место, но когда наши увещания, не произвели никакого действия – мы палками начали разгонять солдат и заставлять их делать то, что в этот момент было нужно. Наше поведение было безумием, но наш нервный подъем подействовал на солдат, а тут еще в помощь нам была прислана рота солдат во главе с офицерами и мы принялись за спасение жителей и их имущества. До 11 часов вечера мы пробыли на пожарище, работая не покладая рук, что называется, и, наконец, усталые, грязные, еле живые возвратились в мою квартиру, но штаб полка здесь уже не застали, он ушел в другое место. Я остал-

ся в квартире один, а доктор отправился разыскивать штаб полка и полковой околодок⁶. Вот когда сказала страшная усталость. Я еле добрел до угловой комнаты-спальни, забаррикадировал кое-как двери, буквально упал на свою жалкую кровать, не раздеваясь, и уснул, как убитый. На другой день я просыпаюсь от какого-то стука. Надо мной стоит какой-то солдат, который, видя, что я проснулся, успел только схватить у меня часы из под подушки и убежать. Что было бы, если бы я не проснулся – не знаю, но с этого времени я не рисковал уже ночевать в своей квартире, а ночевал у своей соседки старухи, в случайно уцелевшем домике. Начинаю приводить свои мысли в порядок. Вспоминаю свою работу на пожарище. Нахожу, что так должен был бы поступить и всякий.

О моей работе уже разнеслись слухи, жители во мне души не чают, благодарят меня. А через несколько времени в газетах появляются заметки обо мне, где меня трактуют, как героя. Вот заметка, появившаяся в газете «Варшавская мысль»⁷ от 10/23 Июня 1915 года за № 161, Среда. «Подвиг Пастыря. Епископ Холмский Анастасий сообщает Св[ятейшему] Синоду о самоотверженной деятельности священника Кржешовской Богородицкой церкви, Холмской губ[ернии] о[тца] Петра Рылло. Посад Кржешов обстреливался в мае с противоположного берега реки Сана. Неприятельскими снарядами посад был сожжен, а великолепный храм был до основания разрушен. Бомбардировка продолжалась две недели. Когда Кржешов был зажжен одновременно в разных концах и населения было объято ужасом и отчаянием, о[тец] Петр успокаивал всех и помогал спасти имущество не только своих прихожан, но и поляков и евреев. Впоследствии, когда его прихожане, спасаясь от выстрелов, удалялись из деревень в близлежащий лес, он стал собирать их вокруг себя и здесь совершают для них Литургию на открытом антиминсе, взятом из храма».

⁶ Медицинская часть.

⁷ «Варшавская мысль» – еженедельная политико-экономическая, общественная и литературная газета, издававшаяся в нач. XX в.

IX

На правом берегу Сана находились наши резервные окопы, главные же наши силы находились на левом берегу. Туда перебирались по мосту. Мне довольно часто приходилось бывать там с разными просьбами и ходатайствами. Числа 4 Июня мне пришлось быть в штабе артиллерийской бригады, помещавшемся вблизи Австрийской таможи, с крестьянином, у которого каким-то артиллеристом была бесплатно изъята корова и уведена на другой берег Сана.

Командир бригады успокоил нас, обещая найти виновного и деньги за корову прислать мне завтра. На другой день утром обещание ком[андира] бригады исполнено. Деньги присланы и вручены пострадавшему крестьянину. В этот день, утром, приезжает ко мне священник одного из полков, расположенных по другую сторону Сана, и просит меня сегодня под вечер – побывать у него. Я пообещал ему приехать, а когда он приехал, сейчас же, оседлав коня, поехал в объезд прихода. Побывав в Каменках⁸, Ксенмвей веси, Горном Кржешове⁹, подъезжаю в Кустраве¹⁰. Еще издали замечаю какое-то особое оживление: слышен шум, крики и стук топоров. Въезжаю в деревню. Заметив меня, ко мне со всех сторон сбегаются женщины со слезами на глазах и умоляют обратиться с просьбой к военному начальству о том, чтобы не угоняли их мужей «в подводы». Подъезжаю к избе, где находится какой-то саперный полковник. Знакомлюсь с ним и ходатайствую за своих прихожан. «Вы, батюшка, не разговаривайте, а отправляйтесь-ка лучше домой, да уходите, как можно скорее, из этих краев, а то, неровен час, угодите как раз в контору к Австиякам», сказал он мне. «Мы сейчас отступаем, нам нужно вывезти казенное имущество во что бы то ни стало, а потому и принуждены прибегнуть к суровой необходимости и выгнать людей «в подводы». Не успев ничего сделать для своих бедных прихожан, я, с тяжелым чувством, направился в Кржешов. Приезжаю на гору к церкви и вижу, как наши

⁸ Каменка (польск. Kamionka) – деревня в Польше, входящая в Нисковский повет Подкарпатского воеводства.

⁹ Кшешув Горный (польск. Krzeszow Gorny) – деревня в Польше, входящая в Нисковский повет Подкарпатского воеводства.

¹⁰ Кустрава (польск. Kustrawa) – деревня в Польше, входящая в Нисковский повет Подкарпатского воеводства.

войсковые части спешно переходят Сан. Волнуюсь. Только я собрался спуститься в посад и узнать в чем дело, как ко мне подъезжает тот полковой священник, который был у меня утром и приглашал к себе, и сказал: «Мы спешно отступаем и я счел своим долгом предупредить вас об этом, собирайтесь и уезжайте как можно скорее». Мы распрошались. Священник поехал догонять свой полк, а я съездил в Ксеную весь, нашел там подводу, подъехал к дому, положил на подводу сверток с постелью, свой чемодан и церковные вещи в мешке, сам сел верхом на лошадь, перекрестился и отправился по дороге на Белгорай. Это было часов в 7 вечера. То там, то сям попадаются мне наши воинские части. Нагоняю и того священника, который предупредил меня об отступлении, он едет в конце своего полка, присоединяюсь к нему, едем и беседуем.

Едем лесом. Наступает ночь. Вдруг полк останавливается. Получен приказ полку возвратиться обратно и занять прежнюю позицию. Полк поворачивает назад и я с ним, но не доезжая до Кржешова, останавливаюсь в дер[евне] севернее Горнего Кржешова (название деревни сейчас не помню), верстах в 3–4 от Кржешова, у одного крестьянина в сарае, где поместился мой псаломщик Петр Севентко и гминный писарь со своими служащими. Настроение у них тревожное, но я успокаиваю их, оставляю свои вещи, отправляю подводу домой, а сам сейчас же, ночью, еду в Кустраву, а затем в Кржешов – в свою квартиру. Тьма крошечная, ни зги не видно, только вдали, за Саном, взвиваются ракеты Австрийские и освещают местность. Яркий свет ракет слепит глаза, но потом делается еще темнее. На пути – ни единой души. Жутко. Чудится, что кто-то гонится за мной. Придерживаю лошадь и прислушиваюсь, но все тихо. Въезжаю в Кустраву. Население не спит, группами собрались около хат, тихо разговаривают и плачут. Подъезжаю к одной группе, к другой, здороваюсь. С радостью встречают меня мои прихожане. Стараюсь успокоить их, рассказываю о положении, уговариваю ложиться спать, так как все, пока, благополучно, а на другой день пораньше вставать и уходить в лес, так как наутро, наверно, будет бой. Побеседовав с прихожанами и распростившись с ними, еду в Кржешов к себе в квартиру. В последний раз, со свечкою в руке, обхожу свою квартиру. Настроение – тоскливое, слезы невольно текут с

глаз. Предчувствие чего-то тяжелого. Мысленно прощаюсь со своей квартирой и с каждой вещью, находящейся в ней, набираю мешок сена для лошади, сажусь в седло, осеняю себя крестным знамением и выезжаю со двора с тем, чтобы больше уже не вернуться сюда.

По дороге к месту своей стоянки встречаюсь с отрядом казаков, разыскивающих штаб дивизии. Казаки насканивают на меня, с пиками на перевес окружают меня, но, узнав меня, извиняются и направляются дальше. Я указываю им свой адрес и прошу сообщить о результате своей поездки и положении дел. Приезжаю к своим – там страшная тревога, публика не спит, нервничает, ждет что вот-вот явятся Австрийцы. Успокаиваю публику, демонстрирую полную безопасность, раздеваюсь и ложусь на сеновале. Рядом со мной улегся мой псаломщик. Не знаю сколько времени я проспал, но проснулся от конского топота и крика: «Батюшка, батюшка, скорее поднимайтесь, казаки разыскивали Вас и передавали, чтобы Вы немедленно уезжали, так как наши части отступили, а Австрийцы наступают. На скорую руку натягиваю свою амуницию, хозяин седлает мне коня; думать о подводе для вещей – не приходится, да и не найдешь ее. Вещи бросаю. Привязываю на спину только мешок с церковными вещами, наскоро прощаюсь с окружающими и хочу уже мчаться по направлению к Белгору, но за мной, со слезами на глазах, идет мой псаломщик, ведя в руках велосипед. Ехать на велосипеде нельзя, большой песок. Оставить сослуживца – жалко. Обещаю не покидать сослуживца и мы медленно подвигаемся вперед, осматриваясь по сторонам. Тишина – полная. Нигде никого не видно. Пока едем полем – чувствуем себя более или менее спокойно. Но вот мы в лесу, страх обуял нас. Боязливо осматриваемся по сторонам; нам чудится, что лес шумит как-то особенно, из-за каждого дерева движутся какие-то тени, вот-вот выскочат Австрийцы и схватят нас. Вот выехали мы на более или менее твердый путь. Мой товарищ по несчастью садится на велосипед, я гоню лошадь во весь опор. Добираемся до р[еки] Танева. Наши войска окапываются уже на другом берегу. Подрывная команда собирается взрывать мост. Мы умоляем пропустить нас через мост, быстро проскакиваем его и останавливаемся на другом берегу. Проходит несколько минут и воздух сотрясается от страшного взрыва, это наш подрывной отряд

взорвал мост через Танев. Оставляем эти места и вместе с беженцами пешими и конными – медленно подвигаемся к Белгору.

Х

Чем дальше подвигаемся, тем количество беженцев, все увеличивается и увеличивается. Идут пешие, неся в котомках за спиной свое добро и ведя за руки детишек, едут конные, захватив с собою кое-что из своего имущества. К подводам привязаны коровы. Некоторые, не имея лошадей, везут свой скарб на коровах, поверх скарба – восседают детишки. Несчастные люди! Что ждет Вас впереди? – Впоследствии мне приходилось слышать недовольство беженцами. «Чего они наехали сюда?» – говорили мне. Беженцев обвиняли в том, что у них много денег, что благодаря им возросла дороговизна на продукты и многое другое.

Не меньше, если не в материальном, то в моральном отношении пришлось перенести и нашему брату – священнику. Если верующие встречали нас радушно и ставили нас в пример своему духовенству, то духовенство всячески противилось нам. Я знаю Епархии, как напр[имер] Полтавскую, Харьковскую, Таврическую, где духовенство выносило резолюции не принимать священников, беженцев и военных в свои епархии и требовали этого от своих Епископов. Об этом мне говорил покойный викарий Харьковский Неофит¹¹ и, здравствующий еще и поныне, бывший Таврический Архиепископ Димитрий¹². Хорошо еще, что не особенно обращали внимания на эти дикие и совсем не христианские постановления «пастырей» некоторые Епископы, а в том числе и Неофит, и Димитрий.

Не встречал я и сам сочувствия и не наблюдал самой элементарной вежливости со стороны как знаменитого Еп[ископа] Феофана Полтавского¹³, который некогда «вывел в люди» Распутина, так и со

¹¹ Неофит (в миру Николай Николаевич Следников; 1873–1918) с 17 октября 1917 г. епископ Старобельский, викарий Харьковской епархии.

¹² Димитрий (в схиме Антоний, в миру князь Давид Ильич Абашидзе, 1867–1942) с 25 июня 1912 г. епископ (с 6 мая 1915 г. архиепископ) Таврический и Симферопольский.

¹³ Феофан (в миру Василий Дмитриевич Быстров; 1872–1940) с 1913 по 1919 г. архиепископ Полтавский и Переяславский.

стороны «сытого» духовенства Бобруйского, Лубенского, куда впоследствии закинула меня судьба, а также и со стороны духовенства Гомельского, с которым пришлось столкнуться в 1923 году. Поистине «сытый голодного не разумеет». И если многие из них впоследствии и были наказаны судьбой, то в этом я только вижу Справедливую Десницу Вышнего. Наблюдая за беженством с самого его начала, зная его причины, видев страдания несчастных беженцев на крестном пути их от Холма на Брест и дальше Минск, Бобруйск, Рогачев и дальше, испытал и на собственной шкуре все прелести беженства, я всегда, где только можно было, защищал несчастных беженцев, называя их выгнанцами, рисуя самую яркую картину их бедствий. Да и на самом деле это были не беженцы, а выгнанцы. Население местностей, где происходили военные действия, бежало не само по себе, а выгонялось с насиженных мест военной силой.

Были случаи, когда казаки поджигали деревни и этим выгоняли население оттуда, а там уж по инерции оно двигалось все дальше и дальше. Страдания беженцев я наблюдал с самой границы, как я уже указал, и особенно в то время, когда я добравшись до Холма, был назначен (Еп[ископом] Анастасием) на питательный пункт в Холме, а также впоследствии, когда (тем же Епископом) был послан в командировку в Бобруйск, Борисов, Оршу, Могилев, Рогачев, Жлобин и Гомель для переговоров с властями о реквизиции скота и выгнанцев и о предоставлении вагонов для дальнейшего их следований. В Бобруйске я сам наблюдал как по узкому сравнительно и высокому шоссе двигались непрерывной вереницей обозы в два ряда: на С[еверо]-В[осток] беженские и на Ю[го]-З[апад] – военные на фронт. Остановиться – нельзя, сзади гонят, съехать с шоссе – также не возможно, оно высокое и ограждено канавой. На подводах – умирали, живые – сбрасывали покойника на край дороги и продолжали свой путь. На паперти собора в Бобруйске ежедневно утром находили до десятка трупов, которые местным духовенством предавались земле. Дивную, в высшей степени трогательную и справедливую картину беженства нарисовал в газете «Русское слово»¹⁴ в

¹⁴ «Русское слово» – ежедневная газета, издаваемая в Российской империи с 1895 по 1918 гг.

15 году известный публицист В. Дорошевич¹⁵ в своей статье «Крестный путь». К несчастью статья эта у меня не сохранилась.

XI

До Избицы (это верстах в 90 от Кржешова) я доехал верхом. Здесь отдал лошадь одному знакомому еврею, а сам на подводе уже добрался до Холма. В Х[олме] я прожил недель около двух. По поручению Архиепископа Анастасия раздавал пособие беженцам в квартире Епископа и наблюдал за питательным пунктом, заболел после пережитого и, наконец, уехал к семье, которая находилась в это время в Мехове¹⁶ у родителей жены. В это время был сдан Австрийцам Холм и наши войска начали отступать к Бресту. Оправившись после болезни с отдохнувши немного, я отправился в Минск, где в это время находился Арх[иепископ] Анастасий и наша Холмская Духовная Консистерия. Я увидел, что в Холмщину, по крайней мере в ближайшее время, вернуться не придется, а потому хотел поступить в армию. Долго не соглашался Анастасий отпустить меня, но когда он дал мне командировку в Оршу, Могилев, Рогачев и Гомель, я, проезжая чрез Могилев, где в это время находился Штаб Церковного Главнокомандующего, заехал к Протопресвитеру Шавельскому¹⁷ получил от него обещание назначить меня в армию. Исполнив поручение Архиепископа, я возвратился к семье, а когда в Августе месяце 15 года немецкая кавалерия прорвала наш фронт у Борисова, я, забрав свою семью и старуху-мать свою из Тубышек, направился в Херсон к сестре жены Н.С., а мать – оставил сестре своей в Гомеле. Семья устроена и я, пробыв пару недель в Херсоне, еду в Гомель. Здесь я получаю назначение в 14 стрелковый полк 4 стрелковой же-

¹⁵ Дорошевич Влас Михайлович (1865–1922) – известный русский публицист, журналист, театральный критик. С 1905 по 1917 гг. редактор газеты «Русское слово».

¹⁶ Мехув (польск. Mięchów, в составе Российской империи Mińchów) – город в Польше, входит в Малопольское воеводство, Мехувский повет.

¹⁷ Шавельский Георгий Иванович (1871–1951) – протопресвитер военного и морского духовенства. Во время Первой мировой войны находился в Ставке, руководя военным духовенством. После эмиграции в 1920 г. в Болгарию состоял в клире Русской Православной Церкви Заграницей, в 1926 году перешел в юрисдикцию Болгарской Православной Церкви.

лезной дивизии¹⁸, собираюсь и числа 1 Ноября отправляюсь к месту назначения. Еду на Луинец, Сарны, поворачиваю на Ковель, но не доезжая Ковеля, останавливаюсь на ст[анции] Рафаловке¹⁹. Отсюда мне пришлось проехать лошаадьми верст 15 и вот я в дер[евне], где расположен штаб полка.

XII

Оставляю на время свои военные впечатления и переживания. (Дописано карандашом: Хочется поговорить о том, как я жил позже, в 20-х годах). С начала империалистической войны и в продолжении ее и обращаюсь к своим личным, семейным переживаниям.

Пробыл я на фронте с начала Ноября 1915 года по Январь 1918 года и это было счастливейшим временем моей [зачеркнуто карандашом: семейной] жизни. Если с одной стороны жизнь эта была полна, опасностей, треволнений всякого рода, неудобств и лишений, то с другой стороны я был морально спокоен. Я не слышал той проклятой музыки, которая прожужжала уже мне уши. Правда я частенько получал письма от своей «подруги жизни» с различными упреками, подозрениями, а то и площадной руганью, но я не обращал особенного внимания на это. В первом году я только на 12 месяце отправился в отпуск к семье, да и то только для того, чтобы посмотреть на своих детей, которым я был всецело предан и которым старался доставить все возможные удобства. Но вот в начале 18 года я отправился в отпуск к семье и «волею судеб» принужден был остаться при ней. Жена моя, поссорившись со своей любимой сестрицей перекочевала к этому времени из Херсона в Лубны Полтавской губ[ернии]. В Лубнах я прожил безвыездно по Май месяц, когда отправился сначала в Одессу для ликвидации своих дел с полком, а потом – в Киев, Полтаву, Харьков, Екатеринослав и Симферополь – в поисках службы. Службы я нигде не получил, хотя и кормили меня завтраками в некоторых местах, а заболел испанкой и

¹⁸ 14-й Стрелковый генерал-фельдмаршала Гурко полк. Входил в состав 4-й стрелковой дивизии (8-й армейский корпус).

¹⁹ Ныне Рафаловка (укр. Рафалівка) – поселок городского типа Владимирецкого района Ровненской области Украины.

заразил всю свою семью. К этому времени у меня начали иссякать средства к жизни и мне во что бы то ни стало необходимо было где либо устроиться. Местное население, знавшее меня, относилось ко мне очень сердечно. Мои знакомые старались помочь мне и морально и материально. Они искали для меня службы и в одно прекрасное время устроили меня счетоводом в Надоробгозе, где я и пробыл по Декабрь месяц, сначала в роли младшего, а потом и старшего счетовода по выдвижению своих сослуживцев. Затем я был приглашен вторым священником в м[естечко] Городище, Пирятенского уезда Полтавской губ[ернии] в версте от ст[анции] Гребенка²⁰, а через год – перекочевал в м[естечко] Яблонево, Лубенского уезда²¹, по просьбе Яблонцев, где и пробыл по 1923 год. – Как я уже упомянул, в Лубнах отношение ко мне было самым сердечным. Такое же отношение было и в Городище и в Яблонове. Моя благоверная всюду преследовала меня своими подозрениями, всюду устраивала мне скандалы и, в конце концов, как и в Холмщине, стала «притчей во языцех». Но нигде она так не распоясывалась, нигде не доходила до таких Геркулесовых столбов, как в Гомеле, куда я перебрался в 1923 году исключительно из-за детей. Об этом времени самом тяжелом в моей жизни, я и поведу в дальнейшем свою речь.

ХIII

В начале 23 года я получил письмо от мужа моей сестры (ныне покойного) Михаила Борисовича Н., человека, которого я глубоко уважал и любил. В своем письме М[ихаил] Б[орисович] писал, что хотел бы увидеть меня и чтобы я устроился где либо поближе к родным. Я ответил ему, что устраиваться где либо в деревне – не стоит, но если бы нашелся свободный приход в городе – я с удовольствием перекочевал бы туда из-за детей. Через несколько времени я получил новое письмо от М[ихаила] Б[орисовича], в котором он сообщает, что в Г[омеле] есть свободный приход на Полесье²² и предлагает мне приехать сюда не медля. Я сейчас же отправился в Г[омель],

²⁰ Ныне Гребенка, город в Полтавской области Украины.

²¹ Ныне Яблонево, село в Оржицком районе Полтавской области Украины.

²² Имеется в виду Полесская Свято-Николаевская церковь г. Гомеля.

попал на выборы Настоятеля, подал и свое заявление Приходскому Совету и Епархиальному Управлению и был избран Настоятелем церкви из числа 9 кандидатов. Не буду описывать процедуры выборов, той грязной и недостаточной линии поведения, которую вело против меня Епархиальное Управление и городской Благодинный Чудович, думаю, что это не интересно (для Вас, мои милые дети). (Если же вы поинтересуетесь этим – то найдете весь материал в деле о назначении меня на Полесье, изъятом мною из Епарх[иального] Управления). Скажу только, что дело о моем избрании докатилось до Москвы, до Синода²³ и последним я был утвержден Настоятелем, а также на меня были возложены обязанности Члена Епарх[иального] Управления и Заместителя Епарх[иального] Уполномоченного²⁴. В Феврале месяце я приехал в Г[омель] с Ниной и Вовой, поселился временно у сестры и вступил в отправление своих служебных обязанностей. Неприятно мне было принимать на себя обязанности члена Управления и Зам[естителя] Уполномоченного тем более, что мне приходилось вращаться среди лиц, заведомо враждебно настроенных против меня. Я настаивал об освобождении меня от этих обязанностей, но ничто не помогло и я принужден был остаться. К Пасхе перебралась ко мне и вся семья, несколько дней прожила у М[ихаила] Б[орисовича] и, наконец, поселилась со мной в сторожке возле церкви. Семья моей сестры приняла нас очень любезно, но, не взирая на это, ваша мать сразу же заняла непримиримую позицию по отношению к моим родным, к которым она и вообще никогда не питала нежных чувств. Надо отдать справедливость вашей мамаше: таких чувств (нежных) она, кажется, в своей жизни ни к кому и никогда не питала. Она, как и вы сами знаете, считала и считает себя выше всех, образованнее, честнее всех, всех же вообще людей – подлыми, низкими, безнравственными, не доступными ее плевка (вашей «высокообразованной» мамашы). Насколько она права – предоставляю судить об этом вам самим.

²³ Речь идет об обновленческом Высшем Церковном Управлении, в 1923 г. переименованном в Священный Синод Российской Православной Церкви.

²⁴ Уполномоченного обновленческой группы «Живая Церковь».

XIV

Перебравшись в Г[омель], я часто бывал у сестры, куда не раз приглашал и вашу мамашу покойный М[ихаил] Б[орисович] и сестра и где обращались с ней как с родственницей и оказывали должное внимание. Но будучи предупреждена против моих родных, ваша мать находила, что ей слишком мало уделяют внимания и игнорируют ее, чего, еще раз повторяю, – не было. Она перестала бывать в доме сестры, а дома ругала самыми последними словами моих родных и требовала, чтобы я не посещал их. Я не обращал внимания на ее дикие требования и продолжал бывать у родных. К этим требованиям она присоединила новые: «Уезжай немедленно из Г[омеля], в противном случае я тебе устрою такой скандал, после которого тебя погонят твои прихожане». Не обратил я внимания и на угрозу. Мамаша начинает распространять среди прихожан по моему адресу всякую гадость. Называет меня развратником, пьяницей, говорит о том, что зарабатываемые мною деньги я уношу на сторону, а дома остается голодная, босая и голая семья, с детьми и ею я обращаюсь по зверски и т.д. и т.д. К этому она присоединяет, что С.П.К. мой товарищ по семинарии и что я вместе с ним, держал где-то ресторан и публичный дом. Ее разговоры имеют некоторый успех (ведь это же жена говорит!) и вокруг ее группируется небольшая кучка лиц, никогда не бывавших у меня в доме, не знающих моей семейной обстановки, и эта кучка, совместно с вашей матерью, выливает на меня помой. Она поносит и порочит мое имя. Когда и это не помогает, она начинает действовать иначе. Малинку она уговаривает уехать на Украину, «куда тогда переедет и твой отец и мы все», а чтобы скорее побудить несознательную девочку к выполнению ее плана, она говорит, что в городе все говорят, что твой отец живет с тобой и тебе необходимо уехать отсюда. В своих адских замыслах успевает мамаша. И вот в один прекрасный день Малинка исчезает. Ее нет до позднего вечера. Я волнуюсь. Бегу к сестре узнать не там ли она? Бегу обратно домой, по дороге узнаю, что М[алинку] видели на вокзале. Дома не обнаруживаю серебряных Николаевских рублей, которые я некогда подарил ей. Бегу на вокзал, где навожу справки и узнаю, что один билет продан на Гребенку. Там же мне

сказали, что видели девочку, которая меняла серебр[яные] деньги на советские. Сомнений не могло быть, Малинка уехала в Гребенку. Моему отчаянию не было границ. Но что делать? Заявить ГПУ, что пропал ребенок и указать его путь – боюсь, чтобы ребенок этот с отчаяния не бросился бы под поезд, ехать вслед – денег нет и негде достать. Даю телеграмму знакомым в Гребенку сообщить мне не видали М[алинку] и через некоторое время получаю ответ, что М[алинка] благополучно добралась до Г[омеля] и теперь гостит в Яблонове. Я не спокоен, нервы взвинчены, а тут еще с каждым днем все увеличиваются и увеличиваются пакости моей «благочестивой». Вы видите, говорит она посторонним, ведь это зверь, а не человек, даже родная дочь убежала от него. Дома – ад, я мечусь, как сумасшедший. Прошу в Е[пархиальном] У[правлении] выдать мне зарплату, но денег нет. Обращаюсь к С.П.К. и тот посылает меня по делу в одно учреждение. Здесь выдают мне 30 рублей взаимобразно, как бы по просьбе К. Я не понимаю, что происходит, беру эти деньги с благодарностью и спешу за своим ребенком, а когда возвратился из своего путешествия – меня берут в такой оборот, что до сих пор проклинаю тот день и час, когда я попал туда. Н. расскажет вам, милые дети, о моих переживаниях, злоключениях. Скажу только, что не раз собирался наложить на себя руки, но Господь спас от этого. В конце концов я решил терпеть до конца, перенести и ссылку, если Господу это угодно, и принять ее как наказание, которое во всяком случае будет гораздо легче семейной обстановки.

Малинка выдворена на место жительства. Дома, по-прежнему, ад. Мамаша не унимается и изыскивает все новые и новые пытки. В одно время я не сдержался и ударил ее. Она, не привыкла к тому, чтобы я реагировал так на ее выступления, забивается под стол, визжит как поросенок, которого режут, рвет на себе все и царапает себе лицо и, в конце концов, выбегает на улицу и бежит к врачу с просьбой освидетельствовать ее и выдать ей свидетельство о побоях, нанесенных ей мужем. Как видите, и здесь она остается верной себе и думает только о том, как бы больше ударить того, кто до сих пор безропотно переносил ее выходки. Свидетельство получено, а через несколько времени она передает дело в суд. Весь город говорит о будущем процессе судебном, но к этому времени не все уже трактуют

меня как изверга. Очень и очень многие возмущаются поведением вашей мамыши и удивляются только тому, как я могу жить с таким ужасным человеком. Назначается время суда и я вызываюсь туда в качестве обвиняемого. Процесс этот стараются сделать показательным и дело решено было разбирать в клубе, но, благодаря К. оно назначается к слушанию в камере Нар[одного] Суда 3 участка. Я беру защитника, защитника же предоставляют и «пострадавшей». На суде – полон зал народа: здесь много сочувствующих мне, но здесь и «лжесвидетели» вашей уважаемой мамыши. Мамаша настаивает на зверском моем обращении с детьми и, живя под одной кровлей со мной, требует отобрания от меня детей и уплате ей алиментов. На суде, в качестве свидетельницы, и Малинка. Меня всячески третируют, как попа, и доводят едва ли не до истерики. Публика плачет и только мамаша с своими «лжесвидетельницами» – торжествует. Наконец суд окончен и мне присуждают двух детей Малинку и Вову, а Нину, Петю и Сашу – мамаше с уплатой ей 18 рублей в месяц на содержание. Я переносу дело во вторую инстанцию, но и там мне отказывают (с этим делом вы можете познакомиться по документам). К этому времени мои прихожане уже успели убедиться кто прав и кто виноват и симпатии прихода были на моей стороне, в чем я скоро и убедился. Мамаша [пометка простым карандашом: «Матушка»] не унимается. Видя, что ее происки не приводят к желанному результату (что прихожане не гонят меня), она принимается за новое дело. Она строчит на меня донос Арх[иепископу] Варлааму Ярославскому <зачеркнуто: Псковскому>²⁵, заведовавшему в то

²⁵ Варлаам (в миру Рышенцев Виктор Степанович; 1878–1942) с 1913 по 1919 г. епископ Гомельский, викарий Могилевской епархии. После Чрезвычайного Епархиального Съезда духовенства и мирян Могилевской епархии (13–19.05.1917), принявшего решение о нежелательности существования викариатства в Могилевской епархии, утратил контроль над Гомельским викариатством. В 1919 г. назначен епископом Мстиславским, викарием Могилевской епархии. Во время пребывания под арестом архиепископа Могилевского и Гомельского Константина (Бульчева) (19.05–03.11.1922) временно управлял Могилевской епархией. С 1922 по 1923 г. пребывал в обновленческом расколе. В 1923 г. назначен епископом Псковским и Порховским. С 17.06.1924 сочетал возглавление Псковской епархии с временным управлением Гомельской епархией. После ареста и двух лет заключения в 1926 г. назначен епископом Любимским, викарием Ярославской епархии. В том же году отделился от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Старгородского), поддержав внутрицерковную оппозицию во главе с митрополитом

время Гомельской Епархией, и тот в бумажке своей от 18/31 Июля 1924 года за № 54 на имя Церковного Совета пишет следующее «Копия. Для умиротворения церковной жизни в Полесском приходе, нахожу необходимым предложить Приходу через Приходское Собрание, официально разрешенное, при депутате – Прот[оиерее] П. Гинтовте²⁶, или Прот[оиерее] Ст[ефане] Романкевиче²⁷, – снова свободно и сознательно избрать себе Настоятеля храма по сердцу себе. – Протоиерея Петра Рылло готов принять в церковное общество, если он не будет усиливаться остаться на Полесском приходе и в случае избрания другого Настоятеля, охотно согласиться перейти на другой приход, где и загладит доброй Пастырской деятельностью все бывшее. О последующем донести чрез указанных лиц. Епископ Варлаам (подпись). За секретаря Прот[оиерей] В.Х. (подпись)».

Я беспрекословно подчиняюсь предложению Еп[ископа] Варлаама. Никакой агитации среди прихожан не веду, а наоборот избегаю всяких разговоров с ними. Жду спокойно общего собрания прихожан и выборов Настоятеля. Правда, исполняю свои пастырские обязанности. Но вот и день выборов. В этот день (воскресный) я отслужил литургию, после которой сейчас же отправился домой и ждал своей участи. Во время службы явился делегат о[тец] П[авел] Гинтовт, в присутствии которого должны были происходить выборы. Как мне потом передавали, собрание было бурным. Невзирая на всевозможные ухищрения Гинтовта, желавшего во что бы то ни

Ярославским Агафангелом (Преображенским). В 1928 г. восстановил общение с митрополитом Сергием. В 1928 г. временно управлял Ярославской епархией, а в 1929 г. Ростовским викариатством Ярославской епархии (Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953): биографический справочник / Авт.-сост. А.В. Слесарев. – Минск: Издательство Минской духовной академии, 2017. – С. 65–68).

²⁶ Гинтовт Павел Викентьевич (1877–1933), протоиерей. В 1916–1923 гг. служил в Свято-Георгиевской гарнизонной церкви при Гомельском распределительном пункте. В 1923–1929 гг. клирик Свято-Троицкого храма, а с 1929 по 1933 гг. Спасо-Преображенского храма г. Гомеля. С 1922 по 1924 гг. пребывал в обновленческом расколе (Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953). С. 86–87).

²⁷ Романкевич Степан Дмитриевич (1881–?), протоиерей. В 1920-е гг. клирик Спасо-Преображенского храма г. Гомеля и благочинный Гомельского городского благочиния. С 1922 по 1923 гг. пребывал в обновленческом расколе. Явился инициатором воссоединения Гомельской обновленческой епархии с канонической Церковью, а также одним из соавторов покаянного прошения патриарху Тихону от лица гомельчан (Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953). С. 103–104).

стало сковырнуть меня, допустившего и явное и тайное голосование, выставявшего и свою собственную кандидатуру в Настоятели, миссия его успеха не имела и общее Собрание избрало меня снова Настоятелем.

Толпа женщин направилась к моему дому, многие со слезами на глазах приветствовали меня, пригласили меня в церковь, где я отслужил благодарственный молебен и благодарил своих прихожан за сердечное отношение ко мне.

Ваша мать Матушка, – (видя что происки ее остаются тщетными), в одно прекрасное время устраивает мне очередной скандал, от которого я спасаюсь бегством, я убежал к сестре, а она, воспользовавшись моим отсутствием, упаковывает буквально все имущество, оставляет только по подушке для Малинки и Вовы и пару полотенец и простынь забирает П[етю], С[ашу] и Нину и отправляется на вокзал с тем, чтобы уехать в Мехово к брату. Когда она была уже на вокзале, ко мне прибежала Малинка, или Вова, не помню, сообщить об этом, но я только тогда направился домой, когда узнал, что моя «дрожащая половина» – укатила. Жалко было детей, я плакал о них, но с другой стороны – радовался за себя и оставшихся детей. Наконец-то мы отдохнем душой и успокоимся!

В доме – пусто, но зато тихо, спокойно. Не слышно той проклятой музыки, которая вот уж сколько времени отравляла существование. Приходится обзаводиться кухонным инвентарем, самим утюжить и варить. Малинка – наша хозяйка, ходит на базар, покупает продукты, варит обед, иногда заменяю ее в последнем и я, хотя никогда раньше этим не занимался и не чувствовал к этому склонности. Мою посуду, иногда и пол. У нас тихо, спокойно, чисто и даже довольно уютно. (Наш жалкий гардероб моют добрые прихожанки, они же и помогают нам несколько продуктами). По прошествии нескольких дней после отъезда нашей мамыши – получаем от нее письмо, в котором она ругает меня, как пьяный мужик. Такое обилие самых отборных и самых циничных ругательств, что прямо диву даешься и не веришь, что все это вышло из под пера такой «высокообразованной» женщины, получившей образование в Варшавской гимназии и закончившей его в Меховском институте. Такими письмами меня очень часто бомбардирует моя дражайшая

половина, и я, в конце концов, не читаю этой литературы, а, получив ее, бросаю прямо в печь. Такою же литературой В.Ф. снабжала и некоторых знакомых.

Я держусь поговорки «собака лает, а ветер носит» – и не реагирую на писательский зуд своей «благоверной». Аккуратно высылаю на содержание детей и в гораздо большем количестве, чем присудил Суд (на что у меня имеются документальные данные).

31 Декабря 1930 года по ст. ст. 1/1/2 ч. в половине второго ночи. Я снова принимаюсь за продолжение своей печальной повести. С одной стороны тяжело беречь незажившую рану, с другой – хочется поскорее закончить свой рассказ (дабы дать полную картину своих переживаний своим милым деткам. Может быть, прочитав ее, они и осудят меня, а, может, и пожалеют своего несчастного отца. Итак, продолжаю).

Прошло около трех месяцев, после отъезда моей благоверной и вот приезжает ко мне Нина. Надоело ей сидеть с мамашей в деревне и слушать ее постоянную ругань. Захотелось ей увидеть своего отца, сестру и брата. Простудилась она по дороге, приехала совсем больной и слегла в кровать. Началось у нее с воспаления легких, а затем последовал ряд болезней (брюшной тиф, паротит, флегмона и невралгия), который едва не свел ее в могилу. Только благодаря глубокоуважаемому и незабвенному Я.Р. Опошнянскому она стала на ноги. Дома – тяжело больной. Необходим уход за ним и ночью и днем. Детям я не позволяю ухаживать за Ниной, делаю это сам. А тут, как на зло, много работы по приходу, нельзя уснуть днем, а ночью – нужно дежурить. Видя мое безвыходное положение, мне предлагает свои услуги по уходу за больной 65 летняя старуха Подсосонникова, которая душу свою готова положить за меня, но я, с одной стороны, боюсь утомлять старуху, а с другой – боюсь, чтобы и старуха не заразилась. В один день, когда у меня было очень много работы, приходит старуха и говорит, что я приду сегодня вечером, дам вам отдохнуть пару часов, а потом – разбуду вас и вы будете сидеть около Нины. Провела она у нас и эту ночь и много других ночей, ухаживая за больной Ниной, была лучше родной матери и я никогда не забуду ее безвозмездной услуги и буду вечно считать себя ее должником, но ваша мать оплатила ей черной неблагодар-

ностью. Когда она возвратилась из своего бегства, то называла бабушку и наложницей моей и ругала ее последними площадными словами.

Прошло пару недель после приезда Нины, и вот в один прекрасный вечер, часов около 9 вечера, кто-то стучит в дверь. Подхожу к двери, спрашиваю кто это, и слышу просьбу детей Пети и Саши – открыть им. Открываю, а за ними, ни слова не говоря, вваливается и беженка со своими бобухами. Часть только «своего» имущества она привезла с собой, остальное оставила у брата. Этот вечер и несколько последующих дней она вела себя прилично, но потом снова принялась за старое, снова ругань, снова угрозы, скандалы, неприятности. Многие потом упрекали меня в том, что я пустил в дом врага, но поступить иначе я не мог.

Приезжает в Г[омель] православный Еп[ископ] Никон²⁸. Моя благоверная готовится к новой каверзе. Она собирается посетить его и сделать на меня очередной донос, но не успела сделать этого, так как Н[икон] через очень короткое время принужден был оставить Гомель. Но вот назначен к нам новый Епископ Тихон Шарапов²⁹ и снова мне на мою долю выпадает много переживаний. – Сделаю маленькое отступление. – Гомельское духовенство, убедившись, с одной стороны в том, что обновленчество пошло по сектантскому пути, с другой, будучи побуждаемо верующими, решило оставить обновленчество и воссоединиться с Патриархом Тихоном. Кто был инициатором воссоединения – не знаю. Может быть о[тец]

²⁸ Никон (в миру Дегтяренко Николай Федорович; 1884–1937) в 1924 г. епископ Могилевский, временно управляющий Гомельской епархией. После ареста в том же году был приговорен к административной высылке в г. Киев и покинул территорию Беларуси. С 1927 по 1928 гг. епископ Красноярский и Енисейский (Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953). С. 76–77).

²⁹ Тихон (в миру Шарапов Константин Иванович; 1886–1937) решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 05.03.1925 избран епископом Гомельским и 22.03.1925 рукоположен в г. Москве. Указом Патриарха Тихона (Беллавина) от 30.03.1925 принял духовное окормление православных христиан в пределах Второй Речи Посполитой, не признавших автокефалии Православной Церкви в Польше. В Гомеле проводил активную работу по воссоединению обновленцев с канонической Церковью. После ареста 16.05.1925 в Беларусь больше не возвращался. В 1934 г. назначен епископом Череповецким, затем епископом Рязанским. В 1936 г. назначен епископом Алма-Атинским. В 1937 г. возведен в сан архиепископа (Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953). С. 70–76).

А[лександр] Зыков³⁰, который был идеологом обновленчества на Гомельщине и вообще Могилевщине, может и кто другой, но факт, что сдвиг был сделан. Среди духовенства разговоры о воссоединении были, но от меня это держалось в тайне. Некоторые из моих прихожан не раз приходили ко мне на дом еще на первых порах моего пребывания в Г[омеле], уговаривали меня оставить обновленчество, отправиться к Патриарху Тихону и воссоединиться, на что предлагали и деньги, но я всегда говорил, что не я вводил обновленчество, не я первым буду и воссоединяться. Пусть другие сделают это, а за мной остановки не будет. Избран и делегат от духовенства – Стефан Романкевич, который и уехал в Москву в сопровождении кого-то из мирян. Только через некоторое время я узнаю от своих прихожан, что воссоединение Гомельских приходов во главе со своим духовенством уже свершившийся факт и что прот[оиерей] С[тефан] Романкевич назначен уполномоченным по воссоединению. Мои прихожане настаивают и на моем воссоединении. Поведение духовенства, ни словом не обмолвившегося со мною, меня возмутило. Через 2 недели, приблизительно, или немного более после воссоединения Гомельских пастырей, подаю Р[оманкевичу] и свое заявление о принятии меня и моего прихода в молитвенно-каноническое общение. Романкевич находит, что для меня недостаточно одного заявления, ему хочется моего унижения. Заявляю ему, что к[акого]-л[ибо] другого заявления он от меня не дождется и что я обойдусь и без его посредства. Но он достиг своего. Приехал Тихон, как я уже сказал, и начал свою дикую деятельность по воссоединению, принесшую много горя и ему самому и духовенству, да и общему делу, так как православное общество разделилось на два лагеря: «истинно-православных Левашевцев»³¹ и иже с ними и потерявших благодать –

³⁰ Зыков Александр Яковлевич (1864–1931), протоиерей. С 1901 по 1931 г. настоятель Петропавловского собора г. Гомеля. В 1901–1913 г. благочинный церквей г. Гомеля. С 1922 по 1924 г. пребывал в обновленческом расколе. Явился одним из инициаторов воссоединения гомельского духовенства с канонической Церковью (Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953). С. 90–92).

³¹ Левашев Павел Николаевич (1873–1937), протоиерей. С 1900 по 1907 г. священник Петропавловского собора г. Гомеля. С 1907 по 1913 г. клирик Спасо-Преображенского храма г. Гомеля. С 1913 г. клирик Гомельского Петропавловского собора и благочинный церквей г. Гомеля. В 1922 г. отказался поддержать обновленческое

остальное духовенство. Борьба «истинно-православных» ведется и поныне, они не посещают наших церквей, не обращаются к нам за исполнением разного рода треб и даже дерзают совершать сами отпевания покойников, как это делает Мильчанская баба Дунька Пушиха.

Задолго до приезда Тихона (это накануне Введения во храм Пр[есвятой] Богородицы 20 Ноября) у меня в церкви случилось несчастье: в алтаре, по независящим от нас причинам, загорелся потолок, огонь перебросило на престол, сгорели одежды престола, обгорело Св[ятое] Евангелие и под ним платок (платок, в который завернут Св[ятой] Антиминс). Пожар был ликвидирован. Прихожане в две недели исправили повреждения и 4 Декабря было назначено освящения церкви. Приглашал я на освящение и Гомельское духовенство православное, но оно уклонилось от участия в освящении и только о[тец] Владимир Зубарев³² и Белицкий священник о[тец] Михаил Патеюк³³ дали свое согласие. Предварительно была послана мною от имени прихожан и своего телеграмма Святейшему Патриарху принять нас в молитвенно-каноническое общение и благословить освящение храма после пожара, на что получен и ответ Святейшего: «Настоятелю и Приходскому Совету Св. Николаевской церкви г. Гомеля Принимаю. Благословляю. Патриарх Тихон». Этой телеграммой я и приход фактически и канонически были приняты

движение. В 1923–1924 гг. по благословию патриарха Тихона (Беллавина) осуществлял прием в каноническую Церковь бывших обновленческих клириков Гомельской епархии. В 1925 г. назначен духовником Гомельской епархии. В 1928 г. поддержал «правую» церковную оппозицию и возглавил «иосифлянское» движение на Гомельщине. В 1920-е гг. совершал свое служение в кладбищенской Рождество-Богородичной церкви г. Гомеля (Слесарев А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953). С. 235–237).

³² Зубарев Владимир Владимирович (1863–1937), протоиерей. С 1906 по 1919 гг. смотритель Гомельского духовного училища. С 1920 по 1928 гг. настоятель Свято-Троицкого храма в г. Гомеле. В 1928–1937 гг. служил в Свято-Николаевском и Спасо-Преображенском храмах г. Гомеля. С 1922 по 1924 гг. пребывал в обновленческом расколе (Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953). С. 88–89).

³³ Патеюк Михаил Никитич (1886–?), священник. С 1917 по 1923 гг. настоятель Свято-Покровского храма с. Дубровка, затем Рождество-Богородичного храма с. Васильевка Гомельского уезда. С 1923 по 1933 гг. клирик Александро-Невского храма г. Новобелица (Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953). С. 162–163).

в молитвенно-каноническое общение Святейшим и без посредства С[тефана] Романкевича. Освящение храма было совершено З[убаревым], П[атеюком], и много в присутствии многочисленной толпы молящихся.

Но вот в Гомель приезжает Еп[ископ] Тихон. Все духовенство стало являться к своему Епископу приветствовать его. Явился и я. Местным благочинным о[тцом] Павлом Керножицким³⁴ Епископ был уже информирован о положении церковных дел в Гомеле и окрестностях. Тенденциозно была освещена и моя деятельность в Г[омеле] и мое поведение, что могут подтвердить дальнейшие события. У меня с Тихоном происходит особый разговор. Он требует от меня исповеди у Прот[оиерея] П[авла] Левашева и всенародного покаяния в храме Полесском, куда он собирался на второй день Св[ятой] Пасхи для совершения богослужения по приглашению моих прихожан. Разговор происходил с Т[ихоном] в великий четверг. Тихон обещал приехать при соблюдении мною, поставленных им требований. Оставалось пару дней до Пасхи. Слишком много пришлось мне передумать и перечувствовать за это время. Мне лично не хотелось идти на исповедь к Левашеву, на которого я смотрел, как на маньяка и к которому не чувствовал ни малейшего уважения за его деятельность. Мнение прихожан разделились: одни, видя мои переживания и сочувствуя мне, требовали не подчиняться Тихону, другие – настаивали на подчинении, третьи – советовали пойти на компромисс для объединения и успокоения прихода. Как ни тяжело было мне, но я согласился пойти на компромисс, но решил предварительно поговорить по душам с Левашовым и перед исповедью, выявить ему свои переживания и свое отношение к нему.

Исповедь была совершена, а на второй день Пасхи, в присутствии многочисленной толпы молящихся, было мною принесено и всенародное покаяние (эта ненужная комедия, придуманная жестоким монахом Тихоном для моего унижения). Как ни тяжело мне было, но мною было сделано все для умиротворения прихода и спо-

³⁴ Керножицкий Павел Иванович (1882–1938), протоиерей. В 1922–1927 г. клирик Петропавловского собора г. Гомеля. В 1925 г. являлся благочинным Гомельского городского округа. С 1922 по 1924 гг. пребывал в обновленческом расколе (Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953). С. 93–95).

койствие наступило, но не для меня лично. Моя благоверная снова требует от меня ухода из Г[омеля] на Украину и в противном случае снова грозит скандалом. На мой категорический отказ подчиниться угрозе она принимается за испытанный уже ею, но потерпевший фиаско, способ борьбы. Она несколько раз посещает Тихона со своими сообщниками, выливает на меня ушаты грязи и просит его сделать со мною ч[то] л[ибо] такое, после чего я принужден буду уехать на Украину. А когда Т[ихон] принужден был уехать из Г[омеля] в Москву, – бомбардирует его и там своими письмами. В результате Т[ихон], стгоряча, присылает мне и Приходскому Совету (отдельно каждому), через благочинного Керножицкого, бумажку, в которой «на основании неоднократных, личных и письменных заявлений жены священника Рылло и т. д. и т. д.» я запрещаюсь в священнослужении в пределах Полесского прихода... (исторический документ прилагаю).

Получив такой подарок от Т[ихона], я служу в последний раз в Полесском храме и заявляю об этом прихожанам. Прихожане возмущены как поведением Тихона, так и еще более поведением «любящей жены». Они требуют от меня неподчинения распоряжению Тихона, но я заявляю им, что я подчиняюсь Епископу, но буду бороться с ним за правду. На вопрос прихожан: «Что нам делать?» – я отвечаю, – «У вас есть два пути: или сказать мне, что ты о[тец] Петр не отвечаешь тем требованиям, которые мы предъявляем к своему пастырю, или – бороться за справедливость, в первом случае – я поблагодарю вас за откровенность и тихонько уйду с Полесья, во втором – глубоко буду благодарен за моральную поддержку». С этими словами я вышел из храма. Весть эта быстро разнеслось по приходу. В приходе – волнение, в моем доме – торжество, наконец-то «любящая» жена добилась своей цели, но торжество преждевременное. Я решил бороться с Тихоном до конца, о чем и заявляю своему «другу». Я пишу Тихону резкую бумагу, в которой заявляю, что подчинился запрещению, но требую над собой суда гласного. Если на суде выявится, что я негодяй – я сам требую для себя не запрещения только, а снятия сана, в противном случае, и если прихожане Полесские захотят этого, то снятие запрещения и оставления меня на Полесье и только на Полесье. Бумагу эту я передаю через одного

Москвича, случайно бывшего в храме во время чтения мною Тихоновской бумажки, интересовавшегося моим делом и предложившим передать мой ответ Тихону лично, что им и было сделано, а также взята от Т[ихона] и расписка в получении бумаги с датой получения. Приход продолжает волноваться. Я стараюсь не встречаться с прихожанами. Задолго до богослужений, совершавшихся за это время священником Керножицким, я убежал из дома. Но вот ближайшее воскресенье. Прихожане в огромном количестве собираются к храму и здесь в ограде церковной, обсуждают создавшееся положение. Слышны отдельные голоса: пойдем, посмотрим матушку, губящую своего мужа. Моя благоверная, тем временем, спешно бежит в 3 район милиции и заявляет там, что в ограде Полесской церкви многолюдное контрреволюционное собрание. Через короткое время, приезжает конный отряд милиции во главе с Начальником – евреем, кстати сказать, человеком в высшей степени умным, рассудительным, тактичным, спокойным. Отряд спешился за оградой церковной, окружил погост и направился внутрь его. Начальник спокойно поговорил с верующими, узнал в чем дело, стал успокаивать прихожан и предложил им идти в храм молиться, заявив им, что раз они хотят, чтобы служил их прежний духовник, то он и будет служить, о чем он решил переговорить лично со мной. Во время разговора его с прихожанами появились мои малыши Петя и Саша и со слезами просили: «Дядя, не берите нашего папу!» Он и детей успокоил и дал им по 20 коп[еек]. Начальник захотел поговорить и со мной. Меня разыскали и через полчаса я уже сидел с ним в сторожке и он допрашивал меня.

Я рассказал ему, в чем дело и он с отрядом уехал обратно, убедившись, что никакой контрреволюции у нас нет (и что ваша мать – ненормальный человек).

Через несколько дней (после моего запрещения), я получил от Тихона частное письмо, в котором он, по-видимому, поняв, что сделал большую глупость, хочет меня взять другим способом. Он поет мне дифирамбы, говорит, что я человек еще молодой смогу устроиться на Украине лучше, чем в Гомеле и обещает дать обо мне самый лучший, самый сердечный отзыв. В ответ на его письмо мною была послана ему еще более резкая бумага. Три недели я находился

под запрещением. Трижды прихожане Полесские ездили в Москву с просьбой о снятии с меня запрещения и оставления на Полесье. Сначала Т[ихон] отрицал получение от меня бумаг, но будучи приперт к стенке, так сказать, признался, что получал от меня бумаги, но возмутительного содержания, которые он сжигал. Я послал ему еще более сильную бумагу, копию которой препроводил Митрополиту Петру, и в результате прихожане привезли мне документ, коим с меня снималось запрещение и я был оставлен Полесским Настоятелем. Много, как видите, пришлось мне пережить за это время и все это по вине вашей матери, а моей «подруги жизни», по вине человека хитрого, злобного, необузданного. Я не хвалю себя, но скажу, что редко кто смог бы пережить все это, да кроме того и жить еще с таким человеком под одним кровом.

Находились люди, которые радовались моим переживаниям и торжествовали. К числу таких относился и мой сослуживец диакон Шкляревский, но это глупый и ненормальный человек. Для характеристики этого глупого и даже подлого человека расскажу следующий факт. Накануне Воздвижения от делегатов, поехавших в Москву, я получил, в присутствии Шкляревского, письмо, в котором они сообщают мне, что запрещение с меня снято и я восстановлен Епископом Тихоном в должности Настоятеля, а потому и просят меня смело в этот день совершить богослужение. Письмо я прочитал вслух в присутствии Шкляревского же и нескольких прихожан, последние поздравляли меня с победой. Настало время совершения богослужения. Я иду в церковь. Там я застал уже порядочно народа. Священника Керножицкого, совершавшего богослужения в Полесском храме за время моего запрещения, я предупредил, что служить сегодня буду я. Я вошел в алтарь, собрался было начать службу, но слышу на клиросе какое-то митингование и отдельные возбужденные реплики «Володи». Выхожу из алтаря, обращаюсь к нему и заявляю: «Мы собрались в церковь не митинговать, а молиться, если же вам не угодно прекратить ваши разговоры – прошу выйти из церкви». Я вошел в алтарь, а следом за мной, вбегают «Володя», бегают по алтарю, размахивают руками и кричат: «Не буду служить с обновленцем, не буду служить с красным!» На это я указал ему на дверь и сказал: «Вон отсюда, не мешай мне служить!» Мой отпор

подействовал на «Володю», он возвратился на клирос и приступил к исполнению своих обязанностей. О поступке диакона я счел своим долгом в своем слове после воздвижения креста сообщить прихожанам, тот пытался вступить со мной в пререкания, но я оборвал его.

XV

Все карты моей «благонерной» биты, все ее подлые происки оказались тщетными. Казалось бы, что после стольких неудач пора было бы опомниться и успокоиться. По природе своей я не злой человек, хотя и трудно, но я постарался бы забыть все то, что пришлось перенести по вине своей «любящей жены», забыли бы об этом и прихожане, так нет же, художествам «благонерной» нет предела. Она хочет доказать, что угроза ее (добьюсь того, что прихожане твои выгонят тебя с Полесья) – не пустой звук. Она берется за другое. В Полесскую церковь – не ходит, неопустительно посещает богослужения у Левашова в кладбищенской церкви³⁵. Посещает своих единомышленников и вместе с ними трактует меня как обновленца. Дома матушка устраивает скандалы, ругается, как пьяный мужик, доводит меня до того, что я в ночную тьму бегу из дома и, боясь причинить беспокойство своим приятелям, предлагавшим мне и «стол и дом», в зимнюю 30-ти градусную стужу лезу на чердак, где и ночую. По-видимому, Господу Богу угодно еще сохранить мою жизнь до настоящего времени. Но и там не оставляет она меня в покое. Через некоторое время выходит во двор, беснуется, ругается внизу, но когда видит, что я нахожусь вне ее досягаемости, сбрасывает лестницу и уходит домой. Забудешься сном от своих треволнений на некоторое время, а там холод прерывает сон, корчишься, крутишься на своем «прокрустовом ложе» пока, наконец, проснется сторож и не подставит лестницы. Слезешь с чердака, еле живой, постучишь детям, которые откроют тебе двери, войдешь в дом, где мирно почивает после «трудов праведных» твоя жизненная подруга, и долго, долго не сможешь еще отогреть свои заочневшие члены. На другой день все, как будто спокойно, как будто и не было вчерашнего скандала, но проходит пару дней, и благовер-

³⁵ Рождество-Богородичный храм построен в 1886 г. на Новиковском кладбище г. Гомеля. Впоследствии перестроен под нужды производственных мастерских.

ная вновь принимается за свои художества. Терпишь, молчишь, но в конце концов нервы не выдерживают, выругаешься и бежишь, как сумасшедший из своего дома. Бывали случаи, когда убежал из дома и по несколько дней не показывался туда и только мысль о ни в чем не повинных детях, которые волнуются и плачут о своем отце, заставляет вернуться обратно. Бывали моменты, когда хотелось инсценировать самоубийство, бросить на берегу Сожа свою одежду и оставить записку, чтобы меня не искали, а самому скрыться куда либо на край света и не возвращаться более к семье, но любовь к детям и забота об их благополучии заставляла отвергать эту мысль.

XVI

Скандалы и неприятности, причиняемые мне моей благоверной, продолжаются. Основание для них необузданная, ни на чем не основанная – ревность. Ревнует она меня к моей матери, сестре, племянницам, дочерям, моим прихожанкам – старухам и тем более молодым, ревнует даже к комнатной собаке «Тому», которого я ласкаю. Ревнует не только к женщинам, но и мужчинам.

Достаточно мне остановиться и поговорить с какой-либо женщиной, как моя «благоверная» начинает награждать эту особу самыми отборными ругательствами. Достаточно мужчине высказать мне свое расположение и почтение, как «подруга жизни» начинает честить и его, как самого отъявленного негодяя и сводника, а начав с этого, переходит к моим родителям, родным и близким и награждает их такими эпитетами, что уши вянут, что называется, слушая ее. Она отлично изучила меня. Пока она ополчается на меня и ругает меня – я молчу. Но вот она все более и более начинает бесноваться и начинает выливать помои на моих близких, ни в чем не повинных. Я волнуюсь, горячо реагирую на ее нападки, в конце концов до иступления и много усилий приходится напрячь для того, чтобы не схватить топора, или какой-либо дубины, не хватить по безумной голове и сразу и навсегда покончить с этим проклятым человеком. Но я борюсь с этим чувством и в этот момент, когда меня начинает колотить лихорадка, я бегу из дома куда глаза глядят и стараюсь подольше не показываться туда.

Меня всегда возмущало и возмущает то, когда люди ждут в человеке одного худого. Последнее легче всего найти в человеке. Осудить легче, чем оправдать. Я лично старался и стараюсь найти в человеке лучшее. В этом духе я старался воспитать и вас, мои милые дети, и мне большее всего, что и в этом отношении, как и во многих других, в лице вашей мамы я встречаю самого необузданного, самого яркого противника.

В порыве злости ваша мать способна на всякую гадость и даже подлость, что она не раз и доказывала уже на деле. Вспомните только ее донос Епископу на вашего отца, ее донос милиции на прихожан, собравшихся в ограде церковной для обсуждения создавшегося положения и обвинений вашей матерью в контрреволюции, и вы согласитесь со мной.

Ее внешний вид в порыве злости говорит о том, на что способен этот человек. Она, как разъяренная тигрица, готова бросится на меня и убить меня, но физически то она слабовата, да кроме того знает, что не может ждать пощады и с моей стороны. Чтобы как-нибудь досадить мне, она называет меня голодранцем, нищим, отбирает у меня подушку, одеяло. Я примирился с этим, сплю на своем «прокрустовом» ложе, положив кулак под голову, укрываюсь рясой и нахожу, что это удобно. Прихожане узнают об этом, сожалеют мне и в одно прекрасное время у меня появляется собственная подушка.

Архив Гомельской епархии. Рукопись двусторонняя. На 59 листах. 117 страниц. Чернила фиолетовые. Книга инвентарная, фабричная. Без обложки. Состояние большей части текста хорошее. Повреждены страницы 1–2, 105–117. На последней странице датировка окончания написания воспоминаний: «26/III – 32 г. Гомель».

**THE MEMOIRS OF THE GOMEL ARCHPRIEST
PETER RYLLO (1884–1937)
PART 2**

The second part of the memoirs of Archpriest Peter Rylo is related to the events of the First World War in 1915–1917 and the state of church life in the territory of the Gomel district of the Mogilev province (then the Gomel province, the Gomel district of the BSSR) in the 1920–1930s. For the church-historical science, the most interesting part of the published memoirs is in connection with the description of the events of the period of origin and development of the renovation schism. The historical drama is compounded by the drama of the personal life of Archpriest Peter Rylo, caused by difficult family relationships.

Keywords: memoirs, memoirs, Gomel, Gomel Diocese, Kholm Diocese, Russian Imperial Army, World War I, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, Orthodoxy, Renovationism, political repressions of 1920–1930s.